

Личность И.С. Никитина сквозь призму его писем: к 200-летию со дня рождения поэта

I. S. Nikitin's personality through the prism of his letters: on the 200th anniversary of the poet's birth

Заварзина Л.Э.

Канд. пед. наук, доцент, Воронежский государственный педагогический университет
e-mail: lyubovzavarzina@mail.ru

Zavarzina L.E.

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Voronezh
e-mail: lyubovzavarzina@mail.ru

Аннотация

В произведениях любого художника слова отражается образ автора, его личность. Особенно наглядно качества личности видны в письмах адресанта. В настоящей статье на основе эпистолярного наследия И.С. Никитина охарактеризованы основные качества личности поэта, проанализированы факторы, повлиявшие на становление и развитие его личности. Представление о личностных качествах автора, его идеалах и ценностях способствует более глубокому проникновению в суть произведения, более точной расшифровке его замысла.

Ключевые слова: И.С. Никитин, эпистолярное наследие, личность, самовоспитание, самообразование, самоусовершенствование, трудолюбие, духовность, внутренний человек, чтение, природа, духовная семинария, кружок Н.И. Второва.

Abstract

The works of any artist of words reflect the author's image, his personality. Personality qualities are especially clearly visible in the letters of the addressee. In this article, based on the epistolary heritage of I. S. Nikitin, the main qualities of the poet's personality are characterized, the factors that influenced the formation and development of his personality are analyzed. The idea of the author's personal qualities, his ideals and values contributes to a deeper insight into the essence of the work, a more accurate interpretation of his intention.

Keywords: I. S. Nikitin, epistolary heritage, personality, self-education, self-education, self-improvement, diligence, spirituality, inner man, reading, nature, theological seminary, N.I. Vtorov circle.

Безвестный воронежский мещанин Иван Саввич Никитин (1824-1861) еще при жизни получил признание читателей и всероссийскую известность. Движущей силой этого прогрессивного процесса явилась сама личность поэта. Путем самовоспитания, самообразования, самостроительства своей личности уровень духовности обычного горожанина достиг такой высоты, что на долгие времена поэт занял место в ряду лучших людей нашего Отечества.

Эпистолярное наследие И.С. Никитина позволяет определить основные факторы, участвовавшие в становлении и развитии личности будущего поэта и прозаика.

Для эпистолярного жанра, формировавшегося в течение веков, характерны определенные особенности: наличие этикетных формул, соблюдение рамочной структуры послания, точное обозначение адресата и адресанта. Однако все эти атрибуты не служат препятствием для сообщения автором разнообразнейшей информации, которой он намерен поделиться. Одновременно с констатацией фактов, рассказом о событии в письмах

содержатся размышления пишущего, его наблюдения, анализ и оценка происходящего, одобрение и осуждение знакомых и незнакомых субъектов, их действий, точек зрения на различные явления. Письма выражают настоятельную потребность человека в самооценке, желании фиксировать свою жизнь, вести опосредованный диалог с интересными адресанту людьми. Послания, выполняя разнообразные функции в системе коммуникации, могут быть дружескими и деловыми, теми и другими одновременно. В них авторы выражают просьбы, просят совета, порой дают волю накопившимся чувствам. Значительное место в них может быть уделено рефлексии.

Письма передают колорит эпохи, повествуют об общественных вопросах, актуальных для страны, региона, описывают экономические проблемы, обсуждают новости культурной жизни. Словом, в поле внимания адресанта находятся как личные, так и социальные стороны жизненного многообразия.

Особое место занимает эпистолярное наследие писателей, поскольку мастера слова обладают более высоким уровнем общей и языковой культуры в отличие от рядовых носителей языка. В письмах этих авторов размышления о творческом процессе, обильные сведения по истории, литературе, других видах искусства передаются посредством различных пластов русской лексики: от нейтральной до стилистически маркированной, порой и окказиональной. В этих посланиях более четко обозначен образ эпохи и образ культурного, интеллигентного человека благодаря как начитанности, образованности автора, так и умению пользоваться всевозможными языковыми средствами, начиная от конструкций предложений и заканчивая использованием различных фигур речи. Стилистика писательских посланий также весьма интересна. Письма, таким образом, дают представление не только об образе автора, но и о его языковой личности.

Письма И.С. Никитина согласуются с указанными характеристиками. Они содержательны, отличаются оригинальной семантико-стилистической манерой подачи материала, написаны в соответствии с национально-временной эпистолярной традицией, в которой дух автора «сроднился с духом века». Они стали не только «литературным фактом», по определению Ю. Тынянова, но и своеобразной исповедью поэта, в которой большое место занимает образ автора, собственно личность поэта. Читатель узнает о жизненных принципах автора писем, его отношении к общественным, культурным событиям. Важно подчеркнуть, что переписка воронежского поэта, начавшаяся в 1853 г., осуществлялась в сложный исторический период. И.С. Никитин оказался современником крупнейших событий в истории России: Крымской войны (1853-1856), завершения правления Николая I, воцарения Александра II, подготовки страны к ряду прогрессивных реформ, главная из которых – отмена крепостного права.

Переписка И.С. Никитина, начавшаяся в ноябре 1853 г., завершилась в начале сентября 1861 г. За этот чрезвычайно короткий временной период личность поэта находилась в постоянном изменении, развитии, самоусовершенствовании. Она достигла такого уровня духовности, что позволила причислить поэта к тем людям, которых по праву называют аристократами духа.

Главным фактором, повлиявшим на становление и развитие личности И.С. Никитина, явилось чтение. Освоить грамоту, по свидетельству поэта, ему помог сапожник. Отрок преодолел все сложности этого трудоемкого процесса благодаря таким природным качествам, как сильная воля, твердый характер, целеустремленность. С детства он отличался прилежанием и самодисциплиной. Без актов самостоятельности, самодеятельности в достижении цели он не смог бы стать грамотным человеком. Плоды обучения чтению сказались быстро: Иван Никитин был принят сразу во второй класс духовного училища.

Невзирая на то, что дед поэта выписался из духовного звания, внука отдали учиться в духовное, а не в приходское училище. Видимо, сказалось потаенное уважение к людям духовного звания, ведь священнослужитель чаще всего воспринимался как «служитель и пастырь народа, соратник общества, нужная сила в государстве и вообще очень почтенное лицо в истории» [5: 184]. Духовенство на протяжении всей своей истории ха-

рактизовалось стремлением к образованию, уважением к книге, ученому человеку, духовности. «Духовенство, – подчеркивал В.В. Розанов, – даже в нищих семьях все преемственно культурно; оно имеет за собою десять поколений, которые ... учились, напрягали мозг» [4: 135]. Дети духовенства были генетически наделены энергией умственного труда. Не отсюда ли неослабевающее, неугасающее даже в тяжелейшие периоды жизни желание поэта самообразовываться, учить языки и читать, читать, читать. Для него характерно какое-то святое, трепетное, благоговейное отношение к книгам, негаснущая, всепоглощающая любовь к чтению. Тема *книги и чтение* была одной из главных в письмах И.С. Никитина.

Так, в письме к Н.И. Второву (6 июля 1859) поэт откровенно признавался: «...не читать – для меня значит не жить...» [2: 265]. Сетуя на скоротечность времени, он с сожалением заявлял: «Ах, если бы сутки состояли из 48 часов, – сколько бы можно было прочитать хорошего!» (Н.А. Матвеевой 25 янв. 1861) [2: 285]. «... чтение в моем положении, писал Иван Саввич Наталии Антоновне незадолго до смерти, – остается единственною отрадою» (ей же, 23 июня 1861) [2: 301].

Радость и чувство огромного удовлетворения доставляла И.С. Никитину покупка книг, пополнение его собственной библиотеки. Он признавался Н.И. Второву: «... приобретение книг – моя слабость» [2: 212]. Особенное отношение он испытывал к подаренным книгам, поскольку за каждым актом дарения стоял человек, понимавший, какое значение имеет книга для поэта. Он искренне благодарил всех, кто дарил ему книги. Поэту А.Н. Майкову (23 авг. 1854) И.С. Никитин сообщал: «...книжку Ваших стихотворений ... я берегу, как едва ли бережет купец свое золото; читаю ее и перечитываю снова, и мне кажется, в эти минуты я переносусь вместе с Вами под чудесное небо Италии, вижу природу и пластическую красоту статуй и развалины древнего Рима» [2: 212]. А как благодарить княгиню Е.П. Долгорукову, жену воронежского губернатора, князя Ю.А. Долгорукова, приславшую воронежскому мещанину «пять книжек – три собрание сочинений Ломоносова, две Державина», он затруднялся: слишком большая социальная дистанция была между ними. По этому поводу он даже просил совета у Н.И. Второва, поскольку ему было тяжело из «скромной хижины переходить в будуар светской женщины» (11 авг. 1854) [2: 212].

Приобретение новых книг было для И.С. Никитина настоящим событием. Вот как он описывал свое состояние, ожидая присылки книг: «...если я могу надеяться на получение Шиллера и Гейне, то... то... я так рад, что путаюсь в словах! Вы вообразите, ведь я тогда буду богач, у меня составитя порядочная библиотека, а сколько наслаждения предстоит мне впереди при чтении. «Идеалы» Шиллера я уже знаю наизусть, «Море и сердце» Гейне – тоже. Это стихотворение попало мне в одной немецкой хрестоматии. Теперь я все читаю разные серьезные вещи на французском... Между прочим, я недавно познакомился с Шенье. Какие у него картины в антологическом роде! Но его предсмертные стихотворения так и хватают за душу... Какое присутствие духа! – писать стихи в то время, когда жизнь висит на волоске, когда в коридоре тюрьмы уже слышны шаги солдат...» (Н.И. Второву 19 сент. 1858) [2: 241]. Об испытанной радости сообщал в следующем письме Н.И. Второву: «Шиллера и Гейне я получил. Черт возьми, как хорошо издание последнего! Ну-с, это, я Вам доложу, *капитальное-с* приобретение. Гуляй, *Савелич!* [2: 244].

Как правило, большую роль в формировании личности человека играет среда, в которой он живет. И.С. Никитину пришлось жить в антагонистической его мировосприятию среде. Предаваться чтению, а тем более сочинять стихи он вынужден был в глубокой тайне от семьи, прежде всего от отца, который о занятиях сына отзывался презрительно, а порой и враждебно. Став «дворником» (в 1844 г., разорившись, отец купил постоялый двор, где основным работником оказался Иван Саввич) и столкнувшись с грязной стороной жизни, начинающий поэт не изменил своим идеалам, не усомнился в тех жизненных ценностях, которые были ему дороги. Он, в частности, писал Неизвестному: «Любовь к родной литературе, к родному русскому слову, не угасла во мне среди новой, совершенно

незнакомой мне деятельности. Окруженный людьми, лишенными малейшего образования, не имея руководителей, не слыша разумного совета, за что и как мне нужно взяться, я бросался на всякое сколько-нибудь замечательное произведение, бросался и на посредственное за неимением лучшего. Продавая извозчикам овес и сено, я обдумывал прочитанные мною и поразившие меня строки, обдумывал их в грязной избе, нередко под крик и песни разгулявшихся мужиков. Сердце мое обивалось кровью от грязных сцен, но с помощью доброй воли я не развратил своей души. Найдя свободную минуту, я уходил в какой-нибудь отдаленный уголок моего дома. Там я знакомился с тем, что составляет гордость человечества, там я слагал скромный стих, просившийся у меня из сердца» [2: 302].

Чем большую известность приобретал И.С. Никитин в Воронеже, чем чаще посещали его интеллигентные, образованные люди, тем тяжелее, драматичнее становилась его жизнь дома. Попойки, дебош, оскорбления, унижающие человеческую личность, негативно отражались как на физическом, так и на психологическом состоянии поэта. Этот скромный от природы человек, с благородной, доброй натурой порой не мог противостоять мощному потоку агрессии, исходившей от потерявших человеческое достоинство существ, во главе которых, к великому сожалению Ивана Саввича, был его родной отец. Поэт, ища отдушины, мог довериться лишь друзьям. О домашних ссорах он писал, в частности, Н.И. Второву 15 июля 1857 г.

В тяжелые минуты на помощь поэту приходила природа. С самого раннего детства он воспринимал окружающую его природу как живое существо, с которым можно разговаривать, советоваться. Природа, как известно, является сильнейшим воспитательным средством. В письмах И.С. Никитин не раз признавался, как он любит, боготворит природу, чувствует ее, находится с ней в органической связи, ощущает ее позитивное воздействие на свою беспокойную душу. Он, в частности, писал редактору журнала «Пантеон» Ф.А. Кони (6 нояб. 1853): «В моей грустной действительности единственное для меня утешение – книги и природа: в беседе с нею я забываю все меня окружающее. Она – мой первый наставник, научивший меня знать и любить Бога. Она – моя мать, утешающая меня в минуты тоски и сомнений. Изумляя меня своею тишиною и величию, она заставляет меня слагать задумчивую песнь и проливать сладкие слезы» [2: 209]

Размышления И.С. Никитина созвучны мыслям Ф.И. Тютчева, выраженным в стихотворении «Не то, что мните вы, природа ...». Неизвестно, знал ли воронежский поэт это гениальное произведение своего старшего современника, но то, что он природу воспринимал так же, как Тютчев, в этом нет сомнения. Для автора знаменитого «Утра» и других шедевров пейзажной лирики природа

Не слепок, не бездушный лик...
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык...

Только люди, наделенные особым видом слепоты и глухоты, отрицают внутреннюю жизнь природы.

Поэт воспринимал человека частью природы, который без лесов, степей, морей, рек, т.е. окружающей его природной среды просто существовать не сможет. У Никитина античное восприятие природы, каждое дерево, каждый цветок у него очеловечены. Вот тому подтверждение: «Здравствуйте, нагие дубы и липы! Здравствуйте, знакомые свежие пни! Бедные деревья! Их употребили на постройку...» (В.И. Плотникову, 12 апр. 1857) [2: 225].

И.С. Никитин воспринимал природу и родину единым целым. Об этом он, в частности, писал великому князю Константину Николаевичу по случаю представления Его императорскому Высочеству своего первого стихотворного сборника: «С малолетства очаровывали меня наше северное небо, темные леса, неоглядные поля и степи, и простая жизнь трудолюбивого пахаря, и предания нашей священной старины, все, что так близко и

дорого Русскому сердцу, что называем мы нашей святой Отчиной. Сын Руси – я не мог не воспевать ее необъятного простора, величия и славы» [3: 233].

Большую роль в становлении и развитии личности И.С. Никитина сыграла Воронежская духовная семинария, которую, по настоянию отца, ему не пришлось окончить. К этой духовной школе, которую, по собственному признанию поэта, он знал «вдоль и поперек», у него было двойное отношение. С одной стороны, это учебное заведение вызывало у него негативные чувства и воспоминания, а с другой – годы обучения в семинарии стали основой его образованности, укрепили его личностные качества, расширили кругозор, способствовали развитию в нем внутреннего человека с богатым духовным миром. Если бы семинария вызывала лишь отвращение, то вряд ли бы Никитин написал свою превосходную повесть «Дневник семинариста», благодаря которой читатель проник внутрь этого рассадника просвещения, получил реалистическое представление об учащих и учащихся, типичных образах духовного сословия.

Бурса делала учащихся самостоятельными, выносливыми, физически крепкими, приучала жить в коллективе. Только человек с сильным характером мог противостоять тем отрицательным явлениям, которые свойственны закрытым учебным заведениям. Полагаем, что и Никитина не миновал тот внутренний переворот, какой совершался неизбежно в натуре каждого семинариста, когда он внезапно оказывался лицом к лицу с суровыми порядками, жесткой дисциплиной, отсутствием доброго, внимательного, участливого отношения к каждому индивидууму. Некоторые из бурсаков платились болезнью за переживаемое потрясение; другие, прилаживаясь к обстоятельствам, портились нравственно, превращаясь в лицемерные, заискивающие существа, что, впрочем, являлось результатом дурных задатков, слабой воли, отсутствием самодисциплины. Так произошло, к примеру, с Н.Г. Помяловским (1835–1863), учащимся Александровской семинарии (С.-Петербург), винившим во всех своих жизненных невзгодах бурсу, за время обучения в которой он, по его собственному признанию, был высечен четыреста раз. Оказавшись слабым, пристрастился к вину; не желая быть священнослужителем, долго не мог найти свое место в жизни, перебиваясь случайными заработками. Что же касается Никитина, то о нем можно с уверенностью сказать, что его от природы сильная натура выдержала все испытания нелегкого семинарского обучения и товарищества. Годы учения для подростка и юноши Никитина стали таким жизненным периодом, когда продолжали формироваться его сильная воля и твердый характер.

Семинарское образование способствовало развитию памяти, на которую, к счастью, Никитин никогда не жаловался; учила выступать перед слушателями, будущими прихожанами. Этот навык также пригодился будущему поэту, в посланиях друзьям он порой писал о своем участии в каком-либо публичном выступлении с чтением стихов.

Мощным толчком к самоусовершенствованию личности И.С. Никитина послужили его новые знакомства, появившиеся в период первых публикаций. Во-первых, это встреча с Н.И. Второвым, советником губернаторского правления, впоследствии ставшим для поэта другом, и членами его историко-этнографического кружка; во-вторых, переписка с литераторами и издателями из Петербурга. Письма И.С. Никитина отражают процесс его духовного взросления. Если в первых посланиях чувствуется неуверенность адресанта в своем таланте, некоторое уничижение по отношению к самому себе, когда адресант именовал себя дикарем и малообразованным человеком, то в последующих – уже видна позиция автора, смело отстаивающего собственное мнение, вступающего в спор с оппонентами; его самооценка из заниженной становилась адекватной, но никогда – завышенной.

Сойдясь с второвским кружком, И.С. Никитин с удвоенной энергией продолжил заниматься самообразованием, ему хотелось повысить уровень своей духовности, встать вровень с людьми, имевшими университетское образование. Интерес к французскому и немецкому языкам приобрел практический характер, круг чтения значительно расширился. Кроме русских авторов, современных «толстых» журналов, И.С. Никитин увлеченно читал Шекспира, Байрона, Купера, Гете, Гейне, Шиллера. «Надобно сознаться, писал он

Е.А. Плотниковой (7 сент. 1856), во французском языке я сделал огромный прогресс. Прочитал уже половину комедии Скриба: «Les indépendants» («Независимые») [2: 221].

Важную роль в личностном становлении И.С. Никитина, в достижении им жизненных целей сыграла сформированная с детства привычка к систематическому труду. В течение всей жизни ему приходилось заниматься и физическим, и умственным, и нравственным трудом (работа над собой). Он осознавал, что не материальные блага делают человека счастливым, «но только внутренняя, духовная, животворная сила труда служит источником человеческого достоинства, а вместе с тем и нравственности, и счастья. Это животворное влияние имеет только личный труд на того, кто трудится. Материальные плоды трудов можно отнять, наследовать, купить, но внутренней, духовной, животворящей силы труда нельзя ни отнять, ни наследовать... она остается у того, кто трудится» [6: 337-338]. Своей трудовой жизнью воронежский поэт подтверждал истинность этого педагогического догмата, сформулированного основоположником российской педагогики К.Д. Ушинским.

Только болезнь могла приостановить настроенную на ежедневный труд натуру Никитина. С грустью он писал Н.И. Второву: «Жить, не работая, или, что то же, жить, работая дурно... я не могу» (6 окт. 1858) [2: 242]. А как-то в другом письме этому же адресату поэт заметил: «Курбатов не может одеться без лакея, тем более пообедать или выпить чаю, а я – человек невзыскательный: подаст мне кухарка на стол, что нужно, – хорошо; нет – я и сам все приготовлю» (13 апр. 1859) [2: 262].

И.С. Никитин постоянно вырабатывал в себе *внутреннего человека*. Это понятие в канун эпохи Великих реформ приобрело особую актуальность. Его теологическое значение значительно расширилось. Внутренний человек – это тот, кто постоянно ведет диалог с самим собой, определяет для себя истинные ценности, которым следует в процессе нравственного выбора и несет за него нравственную ответственность. Для внутреннего человека характерно чрезвычайно сильное напряжение всех интеллектуальных и духовных сил, способствующих самопознанию, он обладает мужеством признания прежде всего самому себе совершения антигуманных, безнравственных поступков. Это по-настоящему свободная личность.

Это понятие было и в активном лексиконе поэта А.Н. Майкова, об этом судим по ответу И.С. Никитина на письмо из Петербурга. «Помните ли, писал Иван Саввич Аполлону Николаевичу, в своем последнем письме ко мне Вы, между прочим, выразились так: *старайтесь выработать в себе внутреннего человека*. Никогда никакое слово так меня не поражало! До сих пор, когда я готов поскользнуться, перед моими глазами, где бы я ни был, невидимая рука пишет эти огненные буквы: *постарайтесь выработать в себе внутреннего человека*» (25 марта 1856) [2: 218].

И.С. Никитин – человек, сделавший себя сам, благодаря неустанной работе над самим собой, целеустремленности, желанию быть полезным людям и Родине, горячо им любимой, он стал гордостью Воронежа и получил всероссийскую известность. В письме Неизвестному поэт, в частности, заметил: «... я во всем хочу быть обязанным только своим собственным силам, только своей собственной энергии». В письме Н.А. Матвеевой он с грустью заключал: «Я содрогаюсь, когда оглядываюсь на пройденный мною безотрадный длинный, длинный путь. Сколько на нем я положил силы!» (19 апр. 1861) [2: 297].

И.С. Никитин, не будучи баловнем судьбы, не принадлежа к тем людям, которым счастье дается в руки, при жизни трудной и непродолжительной, приобрел имя не только талантливого поэта, самородка, но и порядочного, благородного человека, патриота и гражданина. О собственном отношении к своему имени выдающийся воронежец не раз высказывался в письмах. Так, он писал Н.И. Второву: «... я составил себе кровавым потом небольшую литературную известность и не захочу пачкать свое имя ради денежных выгод»; в другом послании он просил Николая Ивановича объяснить с г-ном Сеньковским: «... скажите ему, что играть с публикою мне неловко, что имя порядочного человека мне дорого» (21 нояб. 1858; 2 мая 1860) [2: 247, 277].

В годы общественного подъема И.С. Никитин стремился внести свою лепту в общее дело. Близкими для него были проблемы просвещения народа, которые, как справедливо понимал их поэт, невозможно решить без книг, без создания библиотек. Он смотрел «на литературу как на самый могущественный проводник в общество идей образованности, просвещения, благородных чувств и понятий» [1: 267]. Испытывавший в течение жизни священное отношение к книге, Никитин понимал силу печатного слова, его магическое воздействие, оказываемое на внутренний мир читателя, его духовную жизнь.

Благодаря своей целеустремленности, настойчивости, умению преодолевать трудности, желанию быть полезным людям, бескорыстной помощи друзей, И.С. Никитин открыл книжный магазин и библиотеку при нем. О своих планах он сообщал Н.И. Второву и И.А. Придорогину: «Дрянных книг я не буду покупать, хотя сбыт их и лишит меня некоторой выгоды. Открыв при книжной лавке библиотеку для чтения по дешевой цене, получая все лучшие современные журналы, я мог бы, если не ошибаюсь, действовать на известную часть публики, действовать на молодежь...» (27 окт. 1858) [2: 245]). О цели своей практической деятельности, которую справедливо называл «честной и полезной», он писал также В.А. Кокореву: «Я берусь за книжную торговлю не в видах чистой спекуляции. У меня есть другая, более благородная цель: знакомство публики со всеми лучшими произведениями русской и французской литературы, в особенности знакомство молодежи, воспитанников местных учебных заведений» (12 дек. 1858) [2: 250]. Он надеялся, что благодаря библиотеке «клуб и трактиры потеряют часть своих посетителей» [2: 246].

Для современного читателя, составившего представление о личности И.С. Никитина, его жизненных ценностях и принципах, более успешным будет процесс декодирования его произведений. Расшифровка же авторского замысла позволит вернее понять систему образов художественного текста, увидеть глубину переживаний поэта и прозаика.

Литература

1. Некрасов Н.А. Собр. соч.: В 8 т. Т.7 / Н.А.Некрасов. М.: Худож. л-ра, 1967. – 487 с.
2. Никитин И.С. Никитин И.С. Сочинения / И.С.Никитин. – М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1955. – 342 с.
3. Письма И. С. Никитина / Вступ. ст., публикация и коммен. Г.П.Черешневой // Литературоведческий журнал. 2012. №30. С. 221-235.
4. Розанов В.В. Собр. соч. Когда начальство ушло... / В.В.Розанов. М.: Республика, 1997. – 671 с.
5. Розанов В.В. Собр. соч. Русская государственность и общество (Статьи 1906-1907 гг.) / В.В.Розанов. М.: Республика, 2003. – 527 с.
6. Ушинский К.Д. Собр. соч.: В 11 т. Т.2 / К.Д.Ушинский. М.-Л.: АПН РСФСР, 1948. – 655 с.